

Поговорим о важном

Труд или «делание»?!

Многие люди трудятся «в поте лица», зарабатывая на хлеб. А другие, к сожалению, их становится все больше, «делают деньги». Из воздуха, из обмана, из предательства... И врет поговорка, что деньги не пахнут!

Деньги либо благоухают вкусным борщом, сваренным из овощей с собственного огорода, либо смердят чем-то нечистым... Не просто так продукты в холодильнике быстро портятся, натурального и свежего сегодня надо «днем с огнем» искать, да не всегда отыщешь! На любую кручину есть свои причины! Вот и нам пора призадуматься.

«Терпение и труд все перетрут» — эту поговорку в детстве я часто слышала от бабушки. А давно-давно Бог сказал Адаму: «За твой грех земля не будет плодотворна как прежде. Тернии и волчцы произрастят она тебе. В поте лица твоего будешь есть хлеб», то есть, будешь добывать пропитание тяжелым трудом. «Пока не возвратишься в землю, из которой ты взят».

«В поте лица твоего будешь есть хлеб». И эту заповедь нельзя нарушать! Люди должны трудиться: «не порабощайся, так и не съешь!» Но от труда можно получить большую радость и невыносимую тяжесть, смотря, как мы относимся к труду (с каким сердцем), и как распоряжаемся заработанным. Все мы учились в школе, изучали историю, знаем, как испокон веков трудились наши предки, какие переживали скорби, лишения, создавая своим трудовым подвигом ценности потомкам.

А какие они пели песни! Под них сердце ликовало и радовалось, тосковало и плакало, сердце жило. Жили внешне бедно, а какое богатство было духовное — сколько веры, надежды и любви было у людей! Было большое единение у людей во всем. А сейчас — разъединение во всем и духовный мир оскудевает.

Самое хорошее, светлое, доброе мы должны заимствовать от прошедших поколений и приумножать. Чтобы и будущим поколениям доброе можно было бы перенять от нас. Это семья в семье. Дети учатся у родителей, а родители у детей — взаимная связь. Дай Бог, чтобы добрая связь эта не обрывалась, передавалась из рода в род.

Снисходите к немощам близких, а любовь покроеет все. Если в семье мы получили добрый заряд, то и по жизни пойдем, подражая самоотверженному труду, терпению и любви. Через добродетели приходит радость от труда, тогда и отдых бывает сладостным. Сказано: «в бедности раскрываются все добродетели, в богатстве все пороки».

Люди жили бедно, но богатели духовно. Много трудились — по 16-ть часов в день на уборочной. И труд с молитвой принесил особую радость. Недоедали порой, но телом были бодры, духом крепки, верой сильны. Благодать Божия все покрывала и жил народ в радости.

Сейчас мы живем как скворцы, тащим нужное и ненужное добро в своей скворечник. А если у нас чего-то нет, как у соседа, то добываем это уже без радости, но во что бы то ни стало. И труд становится непосильным: им двигает зависть, а не благодать.

Разве мы не восхищаемся тем величием, с каким зодчие строили старинные монастыри и храмы?! Люди жертвовали на них от щедрости души. Но время шло, и ценности у людей поменялись. Казалось бы, все есть, дом «полная чаша», а чего-то не хватает. Тоскует душа, не утешается собственными «богатствами»... Да

потому что душа — жительница небесная, а ее-то мы не потрудились напитать, вот и скорбит. Каково это — стать начальником с несытой душой?! Помилуй Господи!

Сколько труда нужно человеку преодолеть, прежде чем стать начальником — учиться в школе, да не абы как, а прилежно, закончить институт, но высшая школа всегда впереди — это жизнь! И в ней мы каждый день сдаем экзамен на человечность. Посмотри в себя — какой ты? Добрый или злой? Помню, как-то я прочитала, что первый вопрос от Господа нам будет: «Был ли ты на земле человеком?» Что ответишь, человек? Шел ли в карьерном росте по головам?! Если достиг вершины, что там, на вершине из поверженных тобою людей?! Если в душе пустота, чем заполнишь ее без веры? Вот и получается — трудиться-то трудился, а у разбитого корыта остался, как в сказке «О рыбаке и рыбке».

Трудящийся — трудись, но не забывай возделывать и «землю сердца своего, чтобы плоды были, а не тернии и волчцы!» Все начинается с воспитания. Что ложится в основу его — добрый пример труда и любви или уверения

типа: «Учись, сынок, начальником будешь, работать тяжело не придется!» Жаль, что мы не задумываемся, как наши дети воспринимают наши слова. Да, мы все хотим «лучшей доли» детям своим, не соизмеряя духовности. Своими нерассудительными советами можем испортить им всю жизнь.

«Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь!»

Такие вот слова прочитала я в недавно подаренной мне книге. Они заставили меня глубоко задуматься и посмотреть в себя. Ведь каждое сердце говорит, а поймет ли тот, кто слушает? А не осудит ли, не посмеется ли, или покроет все любовью и добрый совет подаст?! В советское время был лозунг «Мир! Труд! Май!» Если комментировать его не по-советски, в нем заложено много хорошего — мир в душе движет к труду. Май — весна, пробуждение природы («проснись душа, что спиши») — начало полевых работ и большого труда. Труд на благо семьи, на укрепление страны, для пользы души. Эта жизнь — дар и чудо Божье.

Есть выражение «великое в малом». Труд на земле я считаю тем малым, что может всех нас сделать чище, духовнее, особенно когда все совершается с молитвой. Тогда и в больших делах, несомненно, будет поворот к лучшему. И с Божьей помощью мы переживем любой кризис.

Как приятен труд до усталости, когда тело ноет, а душа ликует. И как радостен отдых. Эту радость можно понять, только поработав от души. Как вкус ржаного хлеба с кружкой молока сладок голодному, так не могут быть вкусны самые изысканные яства и деликатесы пресыщенному.

Дорогие братья и сестры! Пусть труд объединит нас и сроднит! Самое главное — помощи Божией нам всем в этом!

Ольга Бабушкина

Непридуманные рассказы

Подарок через 30 лет

Мне не повезло. Думала, выплось за пять часов полета, но сосед со своей нелепой коробкой все время мешал:

— Подержите, я покурю.

Потом ему понадобилось выйти, и он снова попросил подержать коробку.

— Может быть, ее поставить на кресло пока или наверх?

— Нельзя, если вам нетрудно, подержите, пожалуйста.

Этот поток вежливостей раздражал, но отказать не могла. Пожилой человек, замкнутый, неразговорчивый. Его коробка и постоянные «Простите» мешали выспаться после долгих сборов в командировку...

Вскоре нам предложили обед. И стюардесса попросила соседа убрать его «багаж»:

— Не выдвигается ваш столик.

— Я не буду есть, — извиняющимся тоном отказался он.

Мне также есть не хотелось.

— Если хотите, пообедайте, — предложила я, положив на колени его сокровище.

— Нет, я лучше покурю.

Коробка была легкая, почти невесомая, и я, задремывая, с иронией стала гадать, что за диковина может в ней быть — цветы, коллекция редких бабочек, яйца экзотических птичек, или их скорлупа?!

— Здесь чашка из королевского сервиза, — как будто угадав мои мысли, сказал сосед, развязывая тесемку, — хотите посмотреть?

Я кивнула. В ватном углублении

стояла небольшая желтоватая чашка. Он вынул ее и подал мне — невесомая, почти прозрачная, с плотным ободком. На боку полустертой рисунок: пастух и пастушка в широких голубых шляпах, в розовых одеяниях. Посудинка казалась ветхой, готовой рассыпаться от малейшего нажима.

Увяжав коробку, сосед снова вышел покурить. Сон у меня совсем пропал, и мне захотелось пройти к стюардессам попросить чаю, но боялась пошевелиться — коробка лежала на коленях.

Вернувшись, он взял коробку и смущенно посмотрел на меня:

— Тридцать лет искал эту чашку и тридцать лет не был в городе, куда лечу. В армию меня призвали в конце войны, перед этим год успел отработать на заводе. Отказывали, хотя обивал двери военкомата. Завод наш оружие поставлял в армию. Тылу нужны рабочие — вот и все, что слы-

шал там. Но хлебнуть войны все же удалось — уже на чужой земле. Правда, недолго. Попал под случайную пулю — кто-то из-за придорожного дерева стрелял по нашей машине, попал мне в плечо. Лечился в одном госпитале, потом в другом.

Когда выписывался, очень хотелось подарить Вале, сестричке нашей, что-нибудь необыкновенное. Лучше и красивее девушки я не встречал. В госпитале все были влюблены в нее, но она удерживала нас от объяснений. «Сестра я вам всем, ребята». Не помню ее лица — стеснялся рассматривать ее. Но руки узнал бы и сейчас: красноватые, заветренные, а ладонь нежная, белая и под мизинцем розоватая, со спичечную головку, родинка. Когда она дотрагивалась до меня — все вокруг исчезало. Даже мамины руки не давали такого успокоения. Она смеивалась на мои «Спасибо, сестричка»:

— Не меня благодари — знать, тебя крестик спас, — поди, бабушкин еще? Молится за тебя, как и за меня — моя бабуся. Комсомолка, а вот ношу ее подарок, верю: он меня спас. Войну прошла без царапинки.

Вместе с солдатским довольствием мне выдали деньги. Купил билет домой да расческу. Осталось всего восемнадцать рублей.

В магазинах все было или дорого, или казалось неподходящим моей сестричке. Зашел в комиссионный без надежды, знал, там все слишком дорого. На полках стояла разная чепуха еще дореволюционного времени: статуэтки, альбомы, вазы. И среди них — чашка. Вот такая, — он

кивнул на коробку. И, представьте, цена — восемнадцать рублей! Когда я попросил продавщицу показать мне, она резко отказала:

— Разобьешь еще, а вещь дорогая, музейная.

— Какая же дорогая, вон цена-то?

— Так чашка-то из сервиза, может, царского-королевского, давно у нас, не берет никто, вот цену и убавляем.

С этой чашкой, завернутой в серую толстую бумагу, пришел я к Вале. Мы пили чай, слушали Варю Панину — единственную патефонную пластинку, которую ей одолжила соседка. Я так и не сказал ей о том, что чувствую, что люблю ее... Уходя, уже на пороге, протянул сверток.

Валя развернула его, и мы увидели, что чашка сложена из трех осколков — каждый завернут в бумажку... Не помню, как сбегал с лестницы, как сел в поезд. Мне просто не хотелось жить. А со временем стал думать, как бы найти такую чашку. Искал напрасно. Вдруг нечаянно нашлась сама. Умерла старушка из соседней квартиры. Сын ее после похорон попросил раздать вещи ее подругам:

— А это тебе, — сказал он и протянул мне это чудо. — Бабуля завещала, сказала, ты человек церковный, в храме, мол, видела, хоть и начальник.

Мы спустились по трапу. Я несла портфель, а в руках моего соседа была его коробка. С подарком для Вали. Дед Вали — постаревшей на тридцать лет, но такой же любимой и незабытой.

Татьяна Васильева